

Е. В. Толмачева

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ РОМАНА Ю. БУЙДЫ
«БОРИС И ГЛЕБ» СО «СКАЗАНИЕМ
ОБ УБИЕНИИ ДАНИИЛА СУЗДАЛЬСКОГО И НАЧАЛЕ МОСКВЫ»**

В романе Ю. Буйды «Борис и Глеб» переплетено множество интертекстуальных реляций, относящихся к произведениям древнерусской литературы. Изучение этих связей помогает не только установить литературные параллели, но и раскрыть механизмы текстопорождения, характеризующие творчество современного романиста. Рассматриваются аспекты интертекстуального взаимодействия романа Ю. Буйды с русским литературным памятником XVII в.

Yu. Buida's novel Boris and Gleb contains a number of intertextual relations to Old Russian literary works. A study into these relations helps not only establish literary parallels but also identify the text generating mecha-

nisms characteristic of the contemporary novelist's works. The article considers the aspects of intertextual interaction between Yu. Buida's novel and the masterpiece of 17th century Russian literature.

Ключевые слова: поэтика, интертекст, интертекстуальность, Ю. Буйда, древнерусская литература.

Key words: poetics, intertext, intertextuality, Yu. Buida, Old Russian literature.

«Сказание об убиении Даниила Суздальского и начале Москвы» — памятник древнерусской письменности, относящийся к периоду 1652—1681 гг. Его авторство не установлено. По словам Д. С. Лихачёва, «“Сказание” — это новый шаг в развитии исторической беллетристики, в овладении художественным вымыслом. В данном произведении последовательно проведена беллетризация сюжета. <...> Свободно варьируя “исторические” реалии от списка к списку, от редакции к редакции, “Сказание” с примечательным постоянством оставляло неприкосновенными все сюжетные узлы. Значит, вымыслу отдан приоритет перед историей» [4, с. 398].

Несоответствие сюжета «Сказания...» исторической реальности явилось причиной, побудившей автора романа «Борис и Глеб» обратиться именно к этому памятнику. Художественный вымысел, преобладающий над историей, созвучен авторской философии Ю. Буйды. В последней главе «Прусской невесты», имеющей название «Буйда (вместо послесловия)», автор раскрывает значение слова «буйда» и одновременно определяет свою авторскую позицию: «Известно, что “буйда” означает ‘ложь, фантазия, сказка, байка’ и одновременно — ‘рассказчик, сказочник, лжец, фантазер’ [2, с. 307]. Таким образом, главенствующая в древнерусском памятнике роль художественного вымысла соотносится не только с художественной концепцией романа «Борис и Глеб», но и вообще с философией творчества писателя.

Интертекстуальные связи романа «Борис и Глеб» со «Сказанием об убиении Даниила Суздальского и начале Москвы» проявляются на разных уровнях и в различных формах: 1) в форме заимствования имен центральных персонажей, 2) в форме заимствования сюжета, 3) в фактах совпадения ключевых или маркированных лексем.

Рассмотрим данные интертекстуальные параллели более подробно.

Наиболее явной из них является совпадение имен центральных персонажей. Главные героини обоих произведений носят имя *Улита*. В романе «Борис и Глеб» княжна, названная Улитой, сначала вступает в любовную связь со Змеем, а затем — со своим спасителем, князем Борисом Черным:

- Помнишь ли ты, о чем молился?
 - Шумна была битва, и не слышал, — ответил Борис.
 - О *лоне*¹ моем молил ты Господа, — сказала Улита. — Сладкой кровью омыт ты, Борис, и красив, как факел, краше всех.
- И возлегли они, и вник Борис в лоно ее* [1, с. 30].

¹ Здесь и далее выделения в цитатах наши. — Е. Т.

После убийства Змея Борис оmyвается его «сладкой» кровью и становится подобным ему. Через систему языковых переходов княжна Улита также уподобляется Змею. Имя *Улита* созвучно с лексемой «улитка». *Улитка* (лат. *Helix*) — род брюхоногих легочных наземных моллюсков; чеш. *ulita*. Улитка имеет определенное сходство со змеей, подкрепляемое тем, что она демонстрирует пронырливость змея, ныряя, входя в свой закрученный спиралью домик (раковину) через отверстие. Следовательно, Улита оказывается равной Змею.

В «Сказании...» вышеприведенное толкование имени Улита также может быть отнесение к главной героине: княгиня уподобляется *змею*. Подтверждение данному факту находим в ее отчестве: Юрьевна. Один из вариантов мужского имени Юрий — Георгий. Наиболее узнаваемым героем, побеждающим *змею*, является святой великомученик Георгий Победоносец. Таким образом, в игровом пространстве обоих текстов уподобление женских образов змее эксплицировано устойчивыми выражениями, относящимися чаще всего к женщинам — «змея» или «змея подколотная», имеющими значение 'злой, коварный, подлый человек'. Эти качества как раз и демонстрируют героини обоих произведений, подговаривая любовников на убийство мужей.

Интертекстуальные связи романа Ю. Буйды со «Сказанием...» обнаруживаются также в совпадении имен героев-мужчин. Однако данная интертекстуальная параллель проявляется на более скрытом, имплицитном уровне. По словам Д. С. Лихачёва, в разных редакциях «Сказания...» «вместо князя *Даниила* появляется князь *Борис* Александрович» [4, с. 399]. Потенциальное присутствие имени Борис в «Сказании...» обеспечивает совпадение имен центральных персонажей в обоих произведениях.

Интертекстуальные связи проявляются и на сюжетном уровне. В древнем памятнике рассказывается об убийстве князя Даниила его женой, княгиней *Улитой*, и ее любовниками, сыновьями боярина Стефана Ивановича Кучка. В романе «Борис и Глеб» представлен сходный сюжет: князь Глеб просит своего брата Бориса убить Змея, изнуряющего его жену *Улиту* (в данном случае отчетливо проявляются отсылки сразу к двум произведениям древнерусской литературы: имена братьев повторяют имена святых мучеников Бориса и Глеба, а эпизод со Змеем явно заимствован из «Повести о Петре и Февронии Муромских»). После убийства Змея Борис и княжна Улита становятся любовниками. Улита подговаривает Бориса совершить преступление: «Дружина любит тебя, а не его [Глеба], — сказала Улита Борису. — Он тебя изгонит. Что будешь делать? Надо убить его» [1, с. 31].

Таким образом, убийство мужа женой и ее любовником или любовниками есть в обоих произведениях. Совпадает и способ убийства: оба преступления совершаются на охоте. В «Сказании...» говорится: «...и мысля *Кучка* боярина дѣти со княгиною, како предати злой смерти. И умыслиша ехати поля смотрити зайца *лову*. И поехав князь Данило с ними на поле и отъехав в дѣбри, и нача *Кучковы* дѣти предавати злой смерти князя Данила. Князь *ускочѣ* на конѣ своем в рощу, частотѣ лѣса, и вежав злѣ *Оку-рѣкѣ*, остав конь свой» [6, с. 295]. В романе Ю. Буйды сцена убийства описана таким образом: «Поехали они с Глебом на охоту, и в роще у реки убийцы напали на Глеба, но лишь ранили его. Глеб ускакал в лес и спрятался» [1, с. 31].

Использование лексемы *охота* в данном эпизоде романа «Борис и Глеб» не только намечает интертекстуальную связь, но и способствует появлению скрытого сексуального значения. Согласно Толковому словарю русского языка Д. Н. Ушакова, в современном русском языке лексема *охота* имеет следующие значения:

1. Добывание диких зверей, крупных рыб и птиц путем умерщвления их или ловли.
2. Занятие ловлей, содержанием и разведением животных (спец.).
3. Специальная организация для ловли диких животных.
4. Желание, склонность, стремление.
5. То же, что хочется.
6. Период течки, стремление к спариванию у самок [9, с. 1026].

Лексема *охота* как 'желание' может рассматриваться и в сексуальном значении, что подтверждается последним из приведенных значений, правда, в отношении к животным. На наш взгляд, важен тот факт, что словом *охота* обозначается именно «стремление к спариванию у самок», а не у самцов. Данное интерпретация находит подтверждение и в обоих рассматриваемых произведениях. Именно женщины в них испытывают сладострастие, которое приводит их к супружеской измене. Примечательно, что у обеих героинь по два партнера: в романе «Борис и Глеб» это Змей и Борис, а в «Сказании...» — двое сыновей боярина Кучки: «...красны, и не было столь хороших во всей Русской земле... И приглянусь онѣ Данилове княгине Улитѣ Юрьевне, и язвы дьяволь ея блудною похотью, возлюби красотѣ лица их; и дьявольскимъ возжелѣниемъ жилися любезно» [6, с. 295]. Лексема *похоть* является производной от глагола *хотеть*, а значит, однокоренной лексеме *охота*. В. В. Виноградов в своей работе «История слов» указывает, что «первоначальное значение слова *охота* — 'желание, радость, веселье'» [3, с. 282].

В отличие от романа Ю. Буйды, в «Сказании...» используется лексема *лов*, а не *охота*: «И умыслиши ехати поля смотрити зайца лови» [6, с. 295]. По словам В. В. Виноградова, «в древнерусском языке то, что мы теперь называем *охотой*, обозначалось словом *ловь*, форма мн. ч. *лови* (*ловы*)» [3, с. 282]. Лексема *лов* также является важным языковым маркером, указывающим на мотив убийства. Первоначальное ее значение: «1. Действие по глаг. ловить (во 2-м знач.). 2. Устар. Добыча, улов» [8, с. 39]. Оно же сохранилось и в современном русском языке [7, с. 729]. В игровом пространстве лексема *лов* может транслитерироваться посредством латинской графики, образуя при этом английское слово *love* — «любовь». Данный игровой переход вовсе не случаен, поскольку одно из значений англ. *love* — 'страсть', 'влечение' [5, с. 381]. Именно сексуальное влечение и страсть явились одной из главных причин убийства мужей героинь обоих произведений.

Таким образом, употребление лексемы *охота* носит в романе Ю. Буйды неслучайный характер, поскольку помимо основного значения и значения контекстуально ею заменяемой лексемы *лов* из «Сказания...» она эксплицитно содержит семантику сексуального желания, страсти, влечения, продиктованную контекстом обоих произведений.

Итак, через систему языковых переходов и номинаций на основе построения ассоциативных рядов были выявлены интертекстуальные параллели романа Ю. Буйды «Борис и Глеб» с древнерусским «Сказанием об убиении Даниила Суздальского и начале Москвы», прояв-

ляющиеся на различных уровнях текста. Мы убеждаемся, что использование интертекстуальности как приема является одной из характерных особенностей творческой манеры Ю. Буйды.

Список литературы

1. Буйда Ю. Борис и Глеб // Знамя. 1997. №1. С. 8–157.
2. Буйда Ю. Прусская невеста. М., 1998.
3. Виноградов В. В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 282.
4. История русской литературы X – XVII вв. / под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980.
5. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1993. Т. 2.
6. Сказание об убиении князя Даниила Суздальского и начале Москвы // Изборник: Повести Древней Руси. М., 1987. С. 295–300.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 2.
8. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. М., 1989. Т. 2, ч. 1.
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 2.

Об авторе

Екатерина Васильевна Толмачева – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: Kenigirl@yandex.ru

About author

Yekaterina V. Tolmacheva, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: Kenigirl@yandex.ru